

УДК 347.272

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ЗАЛОГА ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫХ ПРАВ НА РЕЗУЛЬТАТ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИЛИ СРЕДСТВ ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ

*Гаранина Инна Геннадьевна,
кандидат юридических наук, PhD,
доцент кафедры конституционного
и международного права УВО «Университет
управления "ТИСБИ"», г. Казань.
E-mail: ilneza@mail.ru*

*Логинова Дарья Александровна,
магистрант АНО ВО «Межрегиональный открытый
социальный институт», г. Йошкар-Ола.
E-mail: loginova-d94@mail.ru*

В статье проанализированы проблемные вопросы регулирования заложенных исключительных прав на примере программного обеспечения. Также проведен анализ вопросов предупреждение «пиратства» в сфере использования исключительных прав.

Ключевые слова: залог, исключительные права, интеллектуальная собственность, средства индивидуализации.

Проанализируем проблемные вопросы регулирования заложенных исключительных прав на примере программного обеспечения. В чем заключается практическая нереализованность данного вида залога? Причины кроются в экономической составляющей: в России, доля инновационного сектора занимает несравнимо меньшее место в экономике. Кроме того, серьезной проблемой остается высокий уровень пиратства в российском Интернете, а также установленные законодательством низкие размеры компенсаций правообладателям за нарушение их прав.

Нерешенными в российском законодательстве также остаются и некоторые правовые вопросы. Так, Федеральным законом от 12 марта 2014 г. № 35-ФЗ в ГК РФ была включена отдельная статья 358.18 «Залог в гражданском праве исключительных прав», посвященная залогу интеллектуальной собственности. Хотелось бы отметить, что законодатель использовал формулировку «залог в гражданском праве исключительных прав», а не «залог в гражданском праве интеллектуальной собственности». Такая формулировка в контексте российского законодательства представляется правильной, так как интеллектуальная собственность в качестве нематериального объекта включает в себя личные неимущественные права (право на имя, право авторства и др.) и исключительные права (право на использование объектов интеллектуальной собственности различными способами). Предметом залога может быть всякое имущество, в том числе вещи и имущественные права – главное требование, чтобы такое имущество и права были отчуждаемы и на них может быть обращено взыскание [5].

Интеллектуальная собственность является, безусловно, важным активом компании; рост ее стоимости увеличивает капитализацию и кредитный рейтинг, а,

следовательно, открывает новые возможности для финансирования. В современном коммерческом обороте интеллектуальная собственность теперь также может свободно выступать объектом финансовых транзакций и обеспечительных сделок. Для сравнения: в США многие технологические компании, а также некоторые представители кино- и музыкальной индустрии используют интеллектуальную собственность для секьюритизации активов, а также в качестве залога под получение заемных средств, так называемые «IP-backed loans». В США существует банковско-финансовая индустрия, специализирующаяся на предоставлении кредитов венчурным компаниям и стартапам под обеспечение их нематериальных активов. Совершенно противоположным образом складывается ситуация в нашей стране. Залог интеллектуальной собственности не приобрел всеобщего признания среди участников рынка. Не является здесь исключением и индустрия программного обеспечения.

Причины кроются в экономической составляющей. Для сравнения: в США рынок IT инноваций, включая индустрию программного обеспечения, является одним из драйверов экономики страны и дает по статистике ежегодно американскому ВВП прирост почти на 1 триллион долларов США. Рынок российских информационных технологий оценивается в 12 млрд долларов США. Наконец, законодательство США позволяет патентовать программные решения, что дает более веские гарантии кредитору в случае неисполнения обязательств должником.

Исключительные права в отличие от личных неимущественных прав могут свободно отчуждаться и на них возможно обращение взыскания, что соответственно отвечает требованиям предмета залога. В отношении залога программного обеспечения как

объекта авторского права следует также употреблять формулировку залога именно исключительных прав на программное обеспечение.

Признание исключительных прав в качестве предмета залога является только позитивным началом. Но законодателем пока еще не решены некоторые проблемы существенного характера, которые не позволяют такому виду залога заработать на практике в полной мере. Одним из основных проблемных моментов является отсутствие регистрационных действий. Государственная регистрация в отношении залога исключительных прав осуществляется согласно общим правилам государственной регистрации перехода прав на объекты интеллектуальной собственности.

Объекты, в отношении которых требуется регистрация залога, перечислены в п. 8 Правил государственной регистрации распоряжения исключительным правом, утвержденных Постановлением Правительства РФ от 24 декабря 2015 г. № 1416 [3]. Согласно данной норме государственной регистрации подлежат договоры о залоге исключительных прав на изобретение, модель, образец, зарегистрированную топологию интегральной микросхемы. Считаем, что представляется необходимым включение аналогичной нормы, требующей обязательной государственной регистрации залога исключительных прав на программное обеспечение, и в российское законодательство.

Проблемой является возможность обращения взыскания. Российским законодательством установлен запрет на обращение взыскания на исключительное право автора. Соответственно, до вступления в силу поправок в ГК РФ касательно залога исключительных прав объекты авторского права не могли быть предметом залога. Федеральным законом от 12 марта 2014 г. № 35-ФЗ было добавлено исключение, согласно которому допускается обращение взыскания на исключительное право автора, находящееся в залоге, однако сама процедура обращения взыскания далека от совершенства [1].

Обращение взыскания и реализация исключительных прав осуществляется по правилам исполнительного производства с помощью проведения открытых торгов. Приравнивание порядка реализации исключительных прав к порядку реализации имущества, на которые обращено взыскание, представляется не совсем верным. Имущество реализуется через торги с помощью заключения договора купли-продажи с победителем торгов.

Исключительные права не могут быть предметом договора купли-продажи, поэтому при обращении взыскания на них речь может идти только о смене правообладателя с помощью заключения договора отчуждения исключительных прав. Кроме того, правообладатель является единственным лицом, имеющим монополию на распоряжение результатом твор-

ческого труда, и никто не может его принудительно заставить отказаться от своих прав. Следовательно, даже для заключения договора с лицом, выигравшим торги, необходимо согласие правообладателя на передачу соответствующих прав такому лицу.

Программное обеспечение – это нематериальный актив, права на которые удостоверены договором: наложить арест и изъять нематериальный объект нельзя в принципе. Арест может быть наложен на материальные носители, на которых оно записано, изъять могут быть соответственно документы, подтверждающие права на программное обеспечение. Стоит обратить внимание на то, что современное программное обеспечение может свободно использоваться и распространяться без материального носителя, арестовывать цифровые копии и изымать документы, на которые есть дубликаты, не представляется результативным. Таким образом, целесообразно включить в российское гражданское законодательство специальные нормы, которые бы предоставляли более либеральный порядок обращения взыскания на объекты интеллектуальной собственности.

Обращение взыскания на заложенные исключительные права на программное обеспечение, возможно несколькими путями. Важно, чтобы они соответствовали реалиям современной экономики. Программное обеспечение быстро устаревает, поэтому залогодержателю гораздо выгоднее приобрести программное обеспечение во временное пользование или собственность, и в дальнейшем реализовать его самостоятельно третьему лицу или получать доходы от его использования, а не ожидать подведения итогов торгов [6].

В этой связи было бы правильнее предоставить залогодержателю преференцию в виде альтернативы: передать предмет залога во временное пользование залогодержателю с правом на получение будущих денежных поступлений от коммерческого использования программного обеспечения, находящегося в залоге (о чем делается соответствующая запись в реестре).

Денежные средства от коммерческого использования программного обеспечения могут – по аналогии с дебиторской задолженностью – вноситься третьим лицом на депозитный счет подразделения судебных приставов.

Другой порядок может заключаться в возможности автоматического поступления предмета залога в собственность залогодержателя без проведения торгов посредством включения в соответствующий реестр записи о переходе прав к новому правообладателю без договора, а также использования в залоговых отношениях счетов условного депонирования, когда исходный код программного обеспечения и документы, удостоверяющие права на программное обеспечение, депонируются на специальном счете и пере-

даются в собственность залогодержателя, если обязательства должника по основному обязательству не исполнены. Например, в ряде стран англо-саксонской правовой системы программное обеспечение приравнивается к нематериальному движимому имуществу (англ. «intangible personal property»). Обращение взыскания на предмет залога является правом залогодержателя при неисполнении должником основного обязательства, однако у него также есть опция приобретения предмета залога во временное управление (англ. «possession») с правом извлечения дохода от его использования или назначения на основании судебного акта специального временного управляющего (англ. «receiver»). Также залогодержатель может оставить предмет залога у себя в собственности на основании судебного приказа (англ. «strict foreclosure»). Оба механизма действуют без проведения торгов.

Проблемным моментом является оценка залоговой стоимости. Необходимость в оценке предмета залога возникает при оформлении кредитных отношений между банком и его клиентом. Соответственно расчет предоставляемого кредита будет определяться банком на основании залоговой стоимости обеспечения. Залоговая стоимость высчитывается банком самостоятельно согласно рыночной стоимости предмета залога, пониженной на дисконт, определяемый по правилам банка-кредитора.

Рыночная стоимость предмета залога определяется независимым оценщиком согласно Федеральному закону от 29 июля 1998 г. № 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» [2]. В настоящее время действует единый стандарт оценки интеллектуальной собственности, а именно – Федеральный стандарт оценки «Оценка нематериальных активов и интеллектуальной собственности (ФСО № 11)». Следует отметить, что методы оценки, представленные в данном стандарте, не являются исчерпывающими [4]. Исходя из положений данного стандарта, можно сделать вывод о том, что в первую очередь для оценки рыночной стоимости программное обеспечение должно отвечать нескольким критериям, например, иметь валовый годовой доход, среднегодовой рост валового дохода, срок полезного использования, объем тиража и прочее.

Соответственно, оценщик может объективно оценить только то программное обеспечение, которое генерирует наибольшую выручку от продаж сочетающейся с экономией на затратах. Это означает, что рынок кредитования может быть только открыт для больших компаний-разработчиков и системных интеграторов, уже имеющих определенный бренд на данном рынке. Для венчурных компаний и стартапов оценка показателей может быть осуществлена только прогнозной. Их программные разработки имеют возможность выхода на рынок только после успешного завершения R&D. Выходит, что рынок кредитования

закрыт для подобных компаний, так как с банковской точки зрения к такому залогоу не применима оценочная стоимость, а сам венчурный проект – высоко рискованным вложением.

Хотелось бы добавить, что неразвитость механизма залога интеллектуальной собственности является комплексной проблемой, которая тормозит развитие инноваций в стране. Согласно статистике, рынок кредитования инновационных проектов сейчас не превышает 3 % рынка всех долгосрочных кредитов [6].

Только государство может поддержать конкурентную среду и малый и средний бизнес, работающий в области инноваций, а также предоставить налоговые преференции для кредиторов, осуществляющих финансирование таких проектов за счет собственных средств. Развитый институт залога – это, в первую очередь, возможность для кредитной организации увеличить свои активные операции, диверсифицировать источники рефинансирования за счет инновационного сектора экономики. Для должника это возможность нахождения финансовых средств под обеспечение для инвестирования в новые затратные разработки.

Безусловно, для нормального функционирования такого вида залога необходимо внесение изменений в действующую законодательную базу, регулирующую коммерческий оборот интеллектуальной собственности в нашей стране.

Литература

1. Федеральный закон от 12 марта 2014 г. № 35-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // РГ. 2014. № 59.
2. Федеральный закон от 29 июля 1998 г. № 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 31. Ст. 3813.
3. Постановление Правительства РФ от 24 дек. 2015 г. № 1416 «О государственной регистрации распоряжения исключительным правом на изобретение, полезную модель, промышленный образец, товарный знак, знак обслуживания, зарегистрированные топологию интегральной микросхемы, программу для ЭВМ, базу данных по договору и перехода исключительных прав на указанные результаты интеллектуальной деятельности без договора». Доступ из справ.-правов. системы «КонсультантПлюс», 2017 г.
4. Приказ Минэкономразвития России от 22 июня 2015 г. № 385 «Об утверждении Федерального стандарта оценки "Оценка нематериальных активов и интеллектуальной собственности (ФСО № 11)"» // Вестник образования России. 2015. № 19.
5. *Баринев Е.* Условие о сроке в договоре залога исключительных прав // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. 2014. № 10. С. 40.
6. Идеи в залог в гражданском праве не берут [Электронный ресурс]. Режим доступа <http://rg.ru/2013/03/26/> (дата обращения: 05.01.2017).

I. G. Garanina, D. A. Loginova

PROBLEM ISSUES OF REGULATION OF MORTGAGE EXCLUSIVE RIGHTS TO RESULTS OF INTELLECTUAL ACTIVITY OR MEANS OF INDIVIDUALIZATION

The article analyzes the problematic issues of regulation of inherent of the exclusive rights by the example of the software. The article's authors analyze issues of warning of «piracy» in the field of exclusive rights.

Key words: pledge, exclusive rights, intellectual property, means of individualization.

GARANINA Inna Gennad'evna – PhD, Associate Professor of constitutional and international rights Management University «TISBI», Kazan.
E-mail: ilneza@mail.ru

LOGINOVA Dariya Alexandrovna – student Interregional Open Social Institute, Yoshkar-Ola.
E-mail: loginova-d94@mail.ru

УДК 347.9

К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛНЕНИИ ПОСТАНОВЛЕНИЙ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Воронцова Ирина Викторовна,
доктор юридических наук, профессор
кафедры гражданского процесса
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная
юридическая академия», г. Саратов.
E-mail: odiv@mail.ru

Сапожников Николай Валерьевич,
магистрант ФГБУ ВО «Марийский
государственный университет», г. Йошкар-Ола.
E-mail: capln@mail.ru

Статья посвящена вопросам, связанным с исполнением постановлений Европейского Суда по правам человека в гражданском производстве, изменениям в ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» от 14 декабря 2015 г. и складывающейся в связи с этим правоприменительной практике.

Ключевые слова: гражданское процессуальное право, гражданский процесс, Европейский Суд по правам человека, Верховный Суд Российской Федерации, Конституционный Суд Российской Федерации.

11 марта 2016 года Венецианская комиссия при Совете Европы представила заключение, в котором в несвойственном для себя ключе раскритиковала поправки ФКЗ «О Конституционном Суде РФ» от 14 декабря 2015 года, и настаивает на том, чтобы новые законоположения были исключены из текста ФКЗ, требуя при этом внесения соответствующих изменений в Конституцию РФ. Однако российский законодатель не планирует молниеносно отменить только что внесенные положения, как это свидетельствует из заявления главы Комитета по конституционному законодательству Совета Федерации А. А. Клишаса, который апеллирует к рекомендательному характеру предложенных положений Венецианской комиссии [1].

Суть норм введенных 14 декабря 2015 года в закон, регулирующий деятельность Конституционного Суда РФ, заключается в том, что теперь, в соответствии с введенной главой 13.1. ФКЗ «О Конституционном Суде РФ», Россия может не исполнять постанов-

ления Европейского Суда по правам человека, вынесенные против нее. В соответствии со ст. 105 данного Закона, обратиться с таким вопросом вправе Президент и Правительство РФ.

В свою очередь, Комиссия предложила свой вариант поправок в ФКЗ, в частности, необходимость замены фразы «возможность исполнения решения» на «совместимость с Конституцией РФ средства исполнения международного решения». В том случае, если КС РФ признает Постановление ЕСПЧ по конкретному делу несоответствующим Конституции, то, по мнению Венецианской комиссии, государственная власть должна найти альтернативный способ исполнения такого решения. Вместе с изменением ряда законодательных актов в качестве одного из вариантов Комиссия предлагает принять новую Конституцию. Однако следует отметить, что принятие Конституции – это выражение народного суверенитета, и в компетенцию международных организации не входит вмешательство в суверенитет государства. Кроме то-